18+

Составитель
Андрей Тихомиров

Миграции индоевропейцев

Славянские народы

Андрей Тихомиров

Миграции индоевропейцев. Славянские народы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35483113
ISBN 9785449313454

Аннотация

В книге рассказывается о древних миграционных движениях славянских народов после того, как они покинули свою индоевропейскую прародину – район степей Южного Урала – Причерноморья. Привлекаются исторические и лингвистические источники разных времен. Приведены краткие грамматики некоторых славянских языков.

Содержание

Формирование славянских народов 5
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Миграции индоевропейцев Славянские народы

Андрей Тихомиров *Составитель*

ISBN 978-5-4493-1345-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Формирование славянских народов

Славянские народы основываются на славянских языках, которые принадлежат к индоевропейской семье языков. Современные славяне разделяются на 3 группы: восточную, южную и западную. К восточной относятся белорусы, русские и украинцы, к южной – болгары, боснийцы, македонцы, сербы, словенцы, хорваты и черногорцы, к западной – лужичане, поляки, словаки и чехи. Ныне это государства, в которых большинство составляют вышеперечисленные славянские народы: Белоруссия, Россия, Украина, Болгария, Босния и Герцеговина, Македония, (в июне этого года правительства Греции и Македонии после долгого спора пришли к консенсусу о наименовании страны, в результате которого македонская сторона приняла решение начать процедуру смены названия на Республику Северная Македония (макед. Република Северна Македонија).

Теперь по договоренностью с Грецией страна должна быть переименована в Республику Северная Македония, спор о названии разразился после того, как Македония получила независимость от Югославии. Название «Македония» не признавалось Афинами, поскольку в Греции есть провинция с аналогичным названием), Сербия, Словения, Хорва-

тия, Черногория, Польша, Словакия и Чехия. Лужичане (лужицкие сербы, сорбы, венды) живут на территории восточной Германии.

Славянские народы в настоящее время распространены на значительных пространствах Восточной и Средней Европы, Балканского полуострова, Сибири и Дальнего Востока. Территория распространения их на протяжении истории существенно менялась. Особенно это относится к русским. В некоторых областях Европы славянские народы ассимилировались и исчезли. Так было, например, на территории восточной Германии, современная топонимия которой свидетельствует о древнем славянском населении Бранденбурга, Мекленбурга, Саксонии и других соседних областей. Еще в 18 в. славянская речь сохранялась на Эльбе (славянская Лаба) в Люховском округе на реке Еце. О полабском языке позволяют судить тексты конца 17 – начала 18 вв.

Славянские языки роднят с другими индоевропейскими языками древнейший корнеслов и формативы. Особенно близки славянские языки к группе балтийских (балтских) языков, выделяется даже особая славяно-балтская общность (2—1 тысячелетия до н.э.). В ещё более древние времена славянские языки (4—3 тысячелетия до н.э.) скорее всего были тесно связаны с иранскими языками. В 1-м тысячелетие н.э. славянские языки вступали в разнообразные связи с германскими языками, а также с греческим языком.

Из неиндоевропейских языков особенно значительными

были связи славян с угро-финнами и тюркскими народами, что нашло отражение в словарном составе славянских языков, особенно русского.

Одной из самых древних праславянских культур является лужицкая, расположенная по Висле и Одеру. Находки и артефакты лужицкой культуры простираются к побережью Балтийского моря, на юге они достигают верховий Вислы и Дуная, на западе – среднего течения Эльбы, а на востоке – до Буга и верховий Припяти. Самые первые памятники лужицкой культуры относятся к эпохе бронзы, еще к концу II тысячелетия до н. э. Однако большинство лужицких поселений относится к середине I тысячелетия до н. э. Среди них наиболее хорошо исследован древний поселок, расположенный на берегу Бискупинского озера около польского города Познани. Остатки деревянных строений благодаря влажности почвы хорошо сохранились. Поселок был огорожен мощной оборонительной стеной, выстроенной из трех рядов деревянных срубов, заполненных внутри глиной, землей и камнями. В поселке открыты восемь мощеных бревнами параллельных улиц, вдоль которых располагались длинные дома. Устройство домов в виде огромных коллективных жилищ, разделенных на комнаты, свидетельствует о том, что в них жили родовые общины, внутри которых уже было четкое деление на семьи, но семьи еще не выделились из рода. Среди находок много керамики от различных сосудов.

Лужицкие племена занимались земледелием. В результа-

те раскопок найдены остатки деревянной сохи, роговые мотыги на деревянной ручке, железные серпы и простые каменные зернотерки. На Бискупинском поселении в Польше обнаружены также обуглившиеся зерна ржи, пшеницы, ячменя и гороха. Из волокнистых растений был известен лен. Находки, сделанные в этих домах, свидетельствуют об отсутствии сколько-нибудь заметной имущественной дифференциации их обитателей. Такой же вывод следует сделать и из рассмотрения погребальных памятников данной культуры, отличающихся однообразием и в этом отношении совсем не похожих, например, на курганные кладбища Скифии, где наблюдается резкая имущественная дифференциация погребённых. Племена лужицкой культуры сжигали своих умерших с последующим захоронением урны с прахом на «погребальном поле» – обряд, очень характерный для древних славян.

В I тысячелетии до н. э. у племен лужицкой культуры железо совсем вытесняет камень, а потом и бронзу, из которой стали делать только украшения. В 7—6 вв. до н. э. в среде племён лужицкой культуры распространилась металлургия железа, которое добывалось сыродутным способом из местных болотных руд. Племена лужицкой культуры выделывали из глины разнообразную посуду (нередко покрывая её поверхность лощением), фигурки животных и птиц, детские игрушки и др.

В хозяйстве лужицкого населения значительное место за-

нимало и домашнее скотоводство. На поселениях много костей домашних животных, среди них особенно костей крупного рогатого скота. Известны погребения лужицкой культуры. Умерших сжигали, а остатки сожжения заключали в глиняные горшки, накрывали черепком и ставили в ямы. Такие горшки с остатками трупосожжения называются урнами. Рядом с урнами клали небольшое количество вещей и ставили сосуды, видимо, с пищей. Такие могильники называют «полями погребений», или «полями погребальных урн». Обряд погребения в урнах позже получил широкое распространение у славян и неславянских племен Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э.

Родственной к лужицкой культуре была другая праславянская культура – чернолесская, занимавшая междуречье Среднего Днепра и Верхнего Буга и названная по имени городища Черный лес в бассейне Ингульца, правого притока Днепра. На поселениях этой культуры, относящихся к раннему железному веку, находят много роговых и костяныхN мотыг, инструменты для обработки кожи, костяные наконечники стрел, дротиков, псалии от удил и керамику. Большой материал чернолесской культуры был собран на Субботинском городище. Материалы этого поселения свидетельствуют о широком развитии ремесленного производства. Кроме поделок из кости и керамики было обнаружено более двухсот обломков литейных форм, служивших для отливки украшений и кельтов, железные вещи. Чернолесская культура ха-

рактеризуется большим количеством могильников двух типов – курганных и бескурганных. Погребения, как и целый ряд других элементов культуры, близки к памятникам лужицкой культуры.

Милоградская культура, распространенная в южной Белоруссии, в основном по правобережью Днепра, является еще одной праславянской культурой. На городищах этой культуры открыты немного углубленные в почву квадратные в основании жилища. Население знало обработку железа и меди. Хозяйство милоградцев хорошо известно по раскопкам. Основу его составляли земледелие и скотоводство. Наряду с этим подсобное значение имели рыболовство и охота.

Ломоносов М. В. пишет в своей книге «Древняя Российская история» (1754—1758 гг.), книга Ломоносов М. В., Избранная проза, сост., предисл. и коммент В. А. Дмитриева, 2-е изд., М.: Сов. Россия, 1986, с. 217—219: «Глава 5 О ПРЕСЕЛЕНИЯХ И ДЕЛАХ СЛАВЕНСКИХ

Древнейшее всех преселение славян, по известиям старинных писателей, почитать должно из Азии в Европу. Что оное двумя путями происходило, водою и по суху, из вышеписаниого усмотреть не трудно. Ибо венеты от Трои с Антенором плыли Архипелагом, Посредиземным и Адриатическим морем. И весьма вероятно, что после оного по разным временам и случаям многочисленные их однородцы из Пафлагонии помянутым путем или по Черному морю и вверх по Дунаю к ним и в их соседство перешли жительствовать.

Подтверждается сие, во-первых, тем, что венеты весьма широко распространились по северному и восточному берегу Адриатического залива и по землям, при Дунае лежащим; второе, что Пафлагония после того от времени до времени умалилась и, наконец, между главными землями в Азии не полагалась, ибо уже у Птоломея (Геогр., кн. 5, гл. 3.) почитается как малая часть Галатии.

Другой путь был из Мидии севером, около Черного моря, к западу и далее на полночь, когда сарматы, от мидян происшедшие, из задонских мест далее к вечерним странам простирались, что из вышеписанного по правде заключить должно. Еще ж Блонд пишет (Декада 1, кн. 1.), что славяне, от Босфора Циммерского до Фракии обитавшие, в Иллирик и в Далмацию преселились. Болгар древнее жилище в Азиатической Сармации, около реки Волги, с добрым основанием от некоторых полагается (Кромер, кн. 1, гл. 8.), затем что Иорнанд со славянами и антами, славенским же народом, совокупное их нападение на Римскую державу описует и жительство их почитает в северной стране от Черного моря. Согласуется с делом имя болгар, от Волги происшедшее, которыми после того и другие народы, козаре и татаре, от россиян именовались (Нестор, на многих местах.).

Все сие доказывает движение славенских поколений от востока на запад пространными нашими землями, по северу около Понтийского моря. Таким образом, простираясь уже паки к полудни, соединились с однородцами своими, пе-

реселившимися южною дорогою, и во многие веки составили разные славенские поколения, отменив наречия и нравы по сообщению с иноплеменными народами, с которыми в преселениях обращались».

Владимир Чивилихин в книге «Память», М., «Художественная литература», 1984, пишет (с. 424—425): «Выдающийся языковед и историк А. А. Шахматов (1864— 1920) создал капитальные работы по истории средневекового и современного русского языка, народным говорам, провел глубокие исследования русского летописания, открыл для науки Ермолинскую, Симеоновскую и другие летописи, руководил изданием «Полного собрания русских летописей», создал Диалектологическую комиссию, в течение нескольких десятилетий достойно руководя русской филологической наукой. Так вот, в работе «Древнейшие судьбы русского племени», изданной в Петрограде в 1919 году, которая мне, к сожалению, стала известна позже свежих книг Менгеса и Хабургаева, А. А. Шахматов, основываясь на арабских и хазарских источниках, а также на летописном сведении о том, что вятичи пришли «от ляхов», пишет в основном тексте: «Остановлюсь… на самом имени вятичей: у арабско-персидского писателя Гардизи оно звучит… Вантит (Vantit). Появление «ан», т. е. естественной передачи носового «е» в этом имени, объясняю себе тем, что вятичи, как ляшское племя, называли сами себя We-tic, – между тем как соседние с ними славяне произносили Wje-tic: носовой

звук воспринят как «ан» (или «еш>?) хазарами, откуда Vantit Джейхани и Vuntit хазарского царя Иосифа». А в примечании говорит об Артании из арабских источников IX в., называвших Артанией одно из трех главных русских племен с их городом Арта, и сближении этих названий чешским ученым Л. Нидерле с античными антами, хотя имя антов ко времени путешествий арабов и раннесредневековую Русь исчезло из истории. «Я тоже думаю, что между Арта, Артания, с одной стороны, Vantit, с другой, есть связь; но связь эта совсем иная, чем думал Нидерле: Vantit – это вятичи, а Артания это Эрдзянь, откуда Рязань; Рязань, как мы видели, стал городом вятичей (ср. комментарий позднейших летописцев: вятичи, т. е. рязанцы)».

Но ведь Рязань основана в конце XI века, и где же здесь венеды (венеты) как предки вятичей? Несколько раньше ученый упоминает о них в связи с трудами известного нам Иордана: «Венеты (Venetarum natio) обитают на левом, обращенном к северу склоне гор, окаймляющих Дакию (т. е. Карпаты), и простираются на огромные пространства, начиная с истоков Вислы». Упоминается также рассказ Иордана о походе в страну антов Винитара, имя коего известный немецкий археолог И. Марквардт сближал с племенным названием венетов, но сам А. А. Шахматов в этой своей работе сделал следующий вывод: «Все, что мы знаем об антах, с совершенной ясностью ведет нас к признанию их восточными славянами, следовательно, предками русских». Однако венеты пред-

ками вятичей в работе не назывались! И это была последняя опубликованная книга великого русского ученого – через несколько месяцев он скончался в голодном и холодном Петрограде, напрягавшем силы для защиты революции…».

Во II в. до н. э. между верховьями Западного Буга и Среднего Днепра, т. е. в южной части Белоруссии и в лесостепной Северной Украине, вплоть до Киева на юге и Брянска на севере, появляется зарубинецкая культура. Считают, что центры формирования этой культуры находились в западной части указанной территории. В течение четырехсот лет зарубинецкие племена были единственным и многочисленным населением лесостепного Поднепровья и Полесья, т. е. тех территорий, которые рассматриваются как древнеславянские земли на востоке Европы. Эта культура впитала в себя традиции целого ряда праславянских культур, сложилась на их основе и на той территории, которую они занимали.

Поселения зарубинецкой культуры располагались на крутых берегах рек, укреплялись тыном. Люди жили в прямоугольных наземных домах-мазанках. С начала нашей эры преобладающим типом жилищ стали прямоугольные полуземлянки, с двускатной крышей, очагом или печью. Этот тип жилищ сохранился до средневековья почти без изменений у большинства славянских племен. Рядом с жилищем располагались ямы-погреба. Основу хозяйства составляло мотыжное земледелие и домашнее скотоводство. Люди разводили коров, лошадей, овец и свиней. На Чаплинском горо-

дище были обнаружены железные топоры, серпы, зернотерки, наконечники стрел, остроги и рыболовные крючки, много украшений и глиняной посуды.

Однако самое характерное для этой культуры – это так называемые поля погребальных урн. Этот обряд был известен и у древних славян, а на рубеже нашей эры он становится господствующим.

Мартынов А. И. в книге «Археология СССР», изд-во «Высшая школа», М., 1973, с. 243. пишет: «Железо добывалось ими из болотных руд, выплавка производилась в небольших сыродутных горнах. Железные предметы очень разнообразны: различные по форме и размерам ножи, топоры, долота, кельты, стамески, серпы, косы-горбуши, наконечники стрел и дротиков, удила и рыболовные крючки».

Анатолий Ким в книге «Федина избушка», изд-во «Малыш», М., 1988, пишет о древнем способе металлургов (с. 23): «Здесь, Федя, когда-то жгли уголь, а работал на этом месте углежог по имени Алексашка Жуков, – объяснил дедушка. – Раньше ведь все кузнецы работали на древесном угле, да и заводы пользовались таким углем. А делали его прямо в лесу, вот на таких местах, духовыми назывались… Как получается уголь? Брали берёзовые дрова, ставили стоймя друг к другу, из поленьев складывали большие кучи, как стога. Потом эти поленницы накрывали землёй, а снизу через продух зажигали дрова… Поленья чадили, но не могли гореть пламенем, потому и не сгорали в золу, а истле-

вали в уголь. Проходило много времени, пока вся поленница насквозь протлеет, потом скалывали с неё земляную корку. Под нею и был уголь – твёрдый, звонкий. Его разбивали обушками и набивали им рогожные мешки. Здо-ро-овые такие были мешки, саженные! А в этих мешках вывозили уголь из лесу на санях, на телегах. Я вот тоже зимою уголь возил, когда дела другого не было…". Таким образом, разнообразные формы, напоминающие крест и использовались в древности для розжига.

Большое значение для исследователей дают данные Черняховской археологической культуры, обнаруженной на большом пространстве лесостепи от Волыни на западе до земли северян на востоке. Северная граница культуры совпадает с началом обширной лесной зоны, идущей далеко на север. Поляне, упоминаемые Нестором-летописцем в «Повести временных лет» (начало 12 в.) в разделе о первичном расселении славян, составляли срединное ядро Черняховской культуры на обоих берегах Среднего Днепра. Южная граница культуры долго оставалась не определенной археологами, и это позволяло возникать разным догадкам, в частности о принадлежности культуры готским племенам. Дата Черняховской культуры точно совпадает с траяновыми веками – II – IV вв. Когда археологи завершили поиск южной границы Черняховской культуры, то выяснилось, что «черняховцы» со Среднего Днепра во II в. тремя потоками по Днепру, Южному Бугу и Днестру двинулись

на юг к морю, войдя в зону античного мира времен максимального расцвета Римской империи. Перечитаем вновь строки Нестора в его «Повести…» о славянских племенах, живших южнее земли полян: «…уличи и тиверьци седяху по Дънестру и приседяху к Дунаеви. И бе мъножьство их. Седяху бо преже по Бугу и по Днепру оли до моря (до самого моря). И суть гради их и до сего дьне. Да то ся зъваху от грек «Великая Скифь». Географические сообщения Нестора в основном совпадают с данными Иордана и абсолютно точно соответствуют современной археологической карте черняховской культуры. Даже древние городища Нижнего Днепра («грады их…») ныне раскопаны археологами. Упоминание Нестором «Великой Скифии» тоже не случайно. Еще древнегреческий историк Геродот, оставивший нам описание Скифии, включал в нее и северные берега Черного моря, и настоящих скифов-кочевников, и предков славян – земледельцев-«сколотов». Черняховская культура основной своей массой тоже вписывается в территорию геродотовской Скифии. Эта территория вмещала в себя как коренную черняховскую культуру черноземной лесостепи, так и все три потока славянской колонизации.

Изучение Змиевых валов Среднего Поднепровья, начатое в первой половине XIX в., до недавнего времени ограничивалось описанием и картографированием их остатков. Тем не менее эта далеко не второстепенная задача до конца не решена. Огромная протяженность и труднодоступность

валов, пересекающих поля, огороды, пустыри, леса, болота, реки, затрудняли их визуальное обследование, обмеры и составление планов. В основном осматривались сравнительно небольшие участки валов, расположенные ближе к Киеву. В единичных случаях исследователи XIX – начала XX в., пользуясь доступными сведениями, составляли сводные планы, условно проводя на карте линии валов между известными пунктами их нахождения. Достоверность таких планов зависела от полноты и объективности источников информации, полученных из вторых рук. Когда назрела необходимость археологического изучения Змиевых валов, эти сооружения на многих участках уже не сохранились.

Наиболее ранний план Змиевых валов в междуречье Днепра-Роси, гравюра на меди 1837 г. хранится в АН Украины. На плане часть известных валов не показана, но валы нанесены в местах, где они уже не сохранились. План схематичен, географически неточен и, очевидно, по этой причине не был опубликован. Автор его неизвестен. В 1848 г. была издана работа И. И. Фундуклея «Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии», в которой наряду с другими категориями древностей дается описание местоположения и внешнего облика Змиевых валов. Эти же сведения о валах вошли в работу краеведа М. Грабовского, опубликованную на польском языке в 1850 г.

Для решения основной задачи, определения возраста валов, какие-либо конкретные данные до последнего време-

ни отсутствовали. Используя легенду о постройке римским императором Траяном (конец I-начало II в. н. э.) так называемых Траяновых валов в Поднестровье и Подунавье, И. И. Фундуклей относил к римскому времени и возникновение валов Среднего Поднепровья. Известны и явно абсурдные утверждения о строительстве среднеднепровских Змиевых и дунайских Траяновых валов киевским Траяном за 500 лет до н. э.

Нельзя оставить без внимания сведения письменных источников. Несколько раз валы Среднего Поднепровья упомянуты летописью: под 1093 г. два вала южнее низовьев Стугны за Треполем (современное с. Триполье), под 1095 и 1149 гг. оба Переяславских вала, под 1151 г. вал южнее среднего течения Стугны к югу от Василева (современный г. Васильков).

При этом летопись не дает прямого ответа на вопрос о значении валов как искусственных сооружений. Они упоминаются при описании военных действий, как против половцев, так и между древнерусскими князьями, но без определения их конкретной роли в этих действиях: войска «проидоша вал»; «прошедше вал»; «ставшим межи валома»; «пришедше к валов»; «изидоша стрилци из валу»; «ста межи валома»; «иде за вал»; «пришедше к валови и не проходяче валу».

В летописи под 1223 г. говорится о появлении в южнорусских степях орд Чингиз-хана, которые прошли через по-

ловецкие владения и, согласно одному из летописных списков, «придоша близ Руси, идеже зовется вал Половечьский». Исходя из этого сообщения, Э. Ковальчик предполагает, что Половецкий вал находился где-то на левом берегу Днепра. Однако в других летописных списках эти сведения изложены полнее: орды Чингиз-хана оттеснили половцев к Днепру; спасаясь от пришельцев, к Половецкому валу «прибеже» половецкий князь Котян. В этом случае упомянутый вал мог находиться и на Правобережье Днепра.

По мнению исследователей, в летописных упоминаниях речь идет о Змиевых валах, которые уже существовали в XI – XII вв. Оставалось неясным главное: когда и в связи с чем они возникли. Одни авторы считали Змиевы валы древнерусскими, воздвигнутыми для защиты Среднего Поднепровья от кочевников, другие относили их к более раннему времени и рассматривали как защитные сооружения более широкого назначения.

Аргументом для сторонников первого мнения послужило свидетельство архиепископа Брунона, проезжавшего в 1008 г. через Киев к печенегам для проповеди христианства. В письме к германскому императору Генриху II Брунон сообщал, что Владимир Святославич с дружиной два дня сопровождал его по пути к печенегам до границы своего государства, которое он окружил (circumklausit) от бродячего (кочевого) врага (vagum hostem) очень мощным и очень длинным (firmissima et longissima) «ограждением» (sepe).

К сожалению, в литературе нет единого мнения о значении примененного Бруноном латинского термина «sepe». Его переводят и как «засеки, завалы», и как «частокол», и как «изгородь», и как «забор, паркан, деревянное ограждение». Аналогом описанному Бруноном сооружению, по мнению большинства исследователей, может быть только Змиев вал с деревянной стеной наверху.

М. А. Максимович считал, что Владимир сопровождал Брунона до Малого (южного) Переяславского вала, который в начале XI в. якобы был пограничным на Левобережье Днепра. В таком значении рассматривал Переяславские валы и В. Г. Ляскоронский, пытавшийся отождествить их с ограждением, которое упоминается Бруноном. Это мнение не утвердилось в науке, поскольку и по историческим, и по археологическим данным граница Руси на Левобережье проходила не по Трубежу или Супою, а значительно южнее, по Суле. Согласно В. Б. Антоновичу и Н. Молчановскому, свидетельство Брунона относится к Трипольскому валу в устье Стугны на правом берегу Днепра. Э. Ковальчик придерживается аналогичного мнения, хотя допускает, что за два дня Владимир и Брунон могли проехать дальше Стугны, отстоящей от Киева на 40 км.

Непланомерное изучение и неопределенность в датировке Змиевых валов вынудили исследователей совместить оба противоположных мнения о хронологии валов и даже способствовали попыткам передвинуть их датировку к нижне-

му хронологическому рубежу.

Во 2—3 вв. среди раннеславянских племен происходят значительные изменения. Они связаны, с одной стороны, с расширением территории славянского мира и дальнейшим проникновением их на территорию балтов и других народов. А, с другой стороны, славяне были подвержены политическому и культурному влиянию с юга, со стороны сарматов, готов и других племен, границы расселения которых постоянно менялись из-за начавшегося великого переселения народов и вторжения варваров в пределы Римской империи.

В середине 1-го тысячелетия н. э. происходит интенсивное расселение славянских племён на территория восточной и южной Европы. В 5 в. начинается колонизационное движение славян на юг от Карпат. В течение 5 в. заселяются Дакия и Паннония. В 6 в. славянские племена заселяют Балканский полуостров. Происходит интенсивное расселение восточных славян (антов), наблюдаются передвижения населения в районе реках Эльбы, Вислы и балтийского побережья.

«О Чехе» (Из книги Алоиса Ирасека «Старинные чешские сказания», АРТИЯ, Прага, 1975, с. 13—16): «За Татрами (Татры – горный массив в Польше и Словакии – примечание), в привислинской долине, лежала с незапамятных времен Хорватская земля (имеется в виду „Белая Хорватия“ – примечание), часть великой земли Славянской. В той Хорватской земле обитали многочисленные племена, родственные по языку, нравам и обычаям. И случилось так: пошла

между этими племенами вражда и кровавая распря за межи и угодья. Восстал род на род, свои воевали против своих и истребляли друг друга. В ту пору два брата из могучего рода, Чех и Лех, сговорились покинуть родную землю, оскверненную междоусобицами, и сказали один другому: „Поищем новых мест, где бы наш род мог мирно жить и трудиться“. Еще от предков своих научены они были любовно возделывать землю, засевать ее различными злаками, разводить табуны коней, стада коров и овец. Как решили, так и сделали. Созвали все свое племя, принесли жертвы богам, взяли с собой изображения дедов и, простившись с землей отцов своих, направились в сторону захода солнца, в неведомые края. И шел род за родом, и в каждом многочисленны были семьи, и все были меж собой друзья и родные. Впереди шли дозорные и вооруженные мужи, за ними седобородый, но статный и сильный Чех и брат его Лех, окруженные старейшинами и родоначальниками, – все на конях. Дальше тянулись старики, женщины и дети – кто на телегах, кто верхом; брели стада, позади всех снова шли вооруженные мужи. Сначала переселенцы проходили землями, где жили родственные племена. Когда же миновали границу земли Хорватской и переправились вброд через реку Одру, вступили они в неведомые горные края. И там, и дальше, в долинах Лабы, им еще попадались селения, жители которых говорили на их языке. Но когда перешли они эту реку, то вступили в пустынную страну, где селения встречались лишь изредка и дальше от-

стояли друг от друга. Жители здесь говорили на непонятном языке и одеты были в звериные шкуры; немногочисленные, но смелые и воинственные, встречали они пришельцев с оружием в руках. Чех и Лех со своими людьми истребляли их, разоряли бедные шалаши и землянки и шли лесами все дальше и дальше. Труден был путь непроходимыми чащами, трудны переправы через болотистые луга и топи, заросшие тростником и осокой, мхом и кустарником. Вечером путники разжигали костры и жгли их до утра, чтобы свет, озаривший лесную тьму, отпугивал коварных, лютых зверей. Так дошли они до протекающей глухими дебрями третьей великой реки, Влтавы, и, когда перешли ее вброд, начал весь народ жаловаться, что нет конца тяжкому пути и нет им отдыха. Указал тут Чех на высокую гору, синеющую над обширной равниной, и молвил: – Пойдем к подножию этой горы; там отдохнем и мы, и дети, и скот. Двинулись в путь и, достигнув горы Ржип, расположились у ее подножия. Родоначальники и старейшины осмотрели окрестные земли и нашли, что они плодородны. На заре пробудился Чех и пошел один-одинешенек еще полным сумрака, погруженным в сон лесом на вершину горы Ржип. Было утро, когда поднялся он на гору. Необозримые просторы обширного края раскинулись перед ним: вплоть до синеющих вдали гор простиралась широкая равнина с лесами и кустарниками, лугами и нивами. Реки сверкали среди буйной зелени, как разлитое серебро. Возрадовался праотец Чех при виде благодатного

края и задумался над тем, что пошлют им боги и что ожидает в грядущем его род и будущее поколение. Сойдя вниз, поведал он людям о виденном. На другой день многие отправились в обход горы, желая обозреть всю равнину. Что увидели, понравилось им: реки, обильные рыбой, плодородные земли и весь вид того края. И объявили они, что страна та пригодна для поселения. На третье утро, лишь показалось солнце из-за леса, позвал Чех брата и старейшин и повелел им созвать народ. Взойдя с ними на возвышенное место, откуда был виден весь край, он молвил им так: – Не будете вы больше жаловаться, ибо обрели мы страну, где станем отныне жить и селиться. Смотрите, вот земля, которую мы искали. О ней я говорил вам и ее обещал. Это наша земля обетованная, изобилующая медом, богатая зверем и птицей. Здесь всего у вас будет вдоволь. На такой земле устоим мы против любых недругов. Вот перед вами земля, угодная вам! Только нет у нее имени; поразмыслите, как назовем мы ее. – Твоим, твоим именем пусть зовется она! – воскликнул словно по внушению богов старец с длинной белой бородой, старейший из родоначальников. И тотчас все, старейшины и народ, повторили в один голос: – Твоим, твоим именем! – По тебе пусть зовется! Преклонил колена растроганный волей всего народа Чех и поцеловал землю, новую отчизну своего племени».

В сказаниях «О Либуше», «О Пршемысле», «О Либушиных пророчествах», «Девичья война» и др, где рассказывает-

ся о временах матриархата, когда женщины руководили племенами, судили старейшин родов и даже развязывали войны против мужчин, это сильно напоминает древнегреческие предания об амазонках (с древнегреч. «безгрудые»).

Славянские племена двигались с востока на запад и подобно падающему с горы снежному кому семетали всё на своём пути, вбирая тех, кто вливался в их племена. Их прародиной, где они сформировались в качестве единой языковой группы, были степи Причерноморья – Южного Урала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.